

Своевременный феодализм: образ древнего Египта в работах Д.А. Ольдерогге 1920-х гг.

И.А. Ладынин

Начать наше выступление нам кажется уместным с наблюдения, которое было сделано на материале советской историографии древности уже давно: на этапе 1920-х гг. многие отечественные историки древности охотно прибегали к схемам и научной терминологии, выработанной западными научными школами. В известной книге Н.М. Постовской об изучении в СССР древнего Ближнего Востока, вышедшей еще в 1961 г., этому явлению посвящен пространный сокрушающийся пассаж: «Некритическое отношение к модернизации исторического процесса древнего мира в соединении с авторитетом таких создателей модернизаторских концепций, как Эд. Мейер или Макс Вебер, привело к тому, что в 20-х годах исследование источников по социально-экономической истории обществ древнего Востока было подменено попытками эклектически примирить выводы модернизаторов (без какой-либо проверки правильности трактовки ими источников) с марксистским подходом к изучению исторического процесса...» [Постовская, 1961, с. 14]. Можно сказать, что по своему существу данное явление описано Постовской сравнительно правильно; однако его истоки, вполне в духе того времени, когда писалась ее книга, раскрыты не полностью. В книге С.Б. Криха «Образ древности в советской историографии» было убедительно показано, что влияние концепций Ю. Белоха на А.И. Тюменева и Э. Мейера – на В.С. Сергеева и С.И. Ковалева было связано не с их склонностью к эклектике или увлечением западными теориями как таковым, а с неразработанностью на данном этапе собственно марксистского понятийного аппарата для изучения древних обществ [Крих, 2013, с. 79]. Н.С. Алмазова в своем докладе на нашей прошлогодней конференции обратилась к учебникам М.М. Хвостова по истории древнего Востока и истории древней Греции, переизданным в 20-е гг. в качестве нормативных, с официальным «грифом» по инициативе Г.М. Пригоровского [Алмазова, 2017]. Для этих учебников свойственно весьма четкое следование циклистской схеме Э. Мейера применительно к обоим этим разделам древней истории и в какой-то мере ее выпячивание; примечательно, однако, что инициатором их переиздания был не выдвиженец советского времени, а ученый старой школы, занимавшийся конкретным материалом папирусов эллинистического Египта. По характеру своей специализации Пригоровский, конечно, мог и придерживаться концепции Мейера искренне (мы недостаточно знакомы сейчас с его работами, чтобы судить об этом уверенно), однако, на наш взгляд, переиздание этих учебников производит вполне определенное впечатление: желая показать, что секция древней истории РАНИОН не зря ест хлеб и, в частности, обеспечивает советские вузы учебной литературой, Пригоровский выдвигает в качестве таковых готовые и лишь требующие редактирования пособия, которые по своей методологии – основательному экономическому детерминизму – соответствуют

ожидаемому социальному заказу советского времени. Иными словами, методология западных теорий, выдвигавших во главу угла социально-экономический фактор, была востребована в 20-е годы не только из-за авторитета их создателей и некритического отношения к ним, но и в силу свойственного этому времени запроса именно на такую методологию.

Между тем одной из самых динамичных областей науки о древности в СССР 20-х гг. была египтология. Именно это время ознаменовано притоком в нее новых людей, уже не учившихся у ее зачинателя Б.А. Тураева и, кстати, численно превосходивших его учеников (часть которых, к тому же, не пережила потрясений гражданской войны). Достаточно естественно, что эта дисциплина берет на вооружение методологические принципы и даже формы работы, которые свойственны советской науке в целом. Недавно хранитель египетской коллекции Государственного Эрмитажа А.О. Большаков обнаружил и опубликовал оставшиеся после его предшественницы в этом качестве М.Э. Матье протоколы заседаний Ленинградского египтологического кружка [Большаков, 2014], который возник в 1927 г. и во многом сформировал будущую ленинградскую египтологическую школу [Большаков, 2011]. Решая, чем заниматься, члены кружка на втором заседании его «организационной группы» постановляют, что будут «бригадным методом», с распределением между ними конкретных исследовательских задач, вести «коллективную работу» - читать и интерпретировать древнеегипетские тексты. При этом в ходе обсуждения, с какого текста начать, отмечают «Беседа разочарованного со своей душой», религиозные тексты, волшебная «Сказка о зачарованном царевиче» и «единогласно» избирается «Повесть о красноречивом поселянине, дающая пищу для социологических наблюдений [Большаков, 2014, с. 58].

Что касается методологии египтологических исследований этого времени, то, как хорошо известно, в ней, как и в целом в науке о древнем Востоке, задавало тон определение его общества как феодального. Стоит сказать несколько слов о его истоках, в том числе и в его специфическом применении к египтологии. «Средневековым» и «феодальным» называет древневосточное общество Э. Мейер [Экон развитие древнего мира, 1895, с. 30, 119], хотя в общетеоретических работах говорит о нем относительно мало, строя свою циклистскую схему в основном на античном (в особенности, греческом) материале [Семенов, 2003, с. 7]. Однако на египетском материале иллюстрацией к этому теоретическому положению становится история падения Древнего царства. Дж. Г. Брэстед в своей «Истории Египта», написанной в 1905 г., уверенно определяет следующий за ней I Переходный период и Среднее царство как «феодальный период» и говорит о том, что наращивание полномочий номархов при VI династии подобно «разложению Каролингской монархии на герцогства, ландграфства или ничтожные княжества» [т. 1, с. 137-138]. Эта аналогия была подкреплена тем, что в начале XX в. (с 1903 по 1911 гг.) в ходе раскопок в Египте был обнаружен ряд т.н. «иммунитетных грамот» второй половины Древнего царства, в которых цари V и VI династий освобождают от общегосударственных повинностей храмы Абидоса и Коптоса. Интерпретация этих памятников была

предложена достаточно скоро по аналогии опять же с иммунитетами в раннефеодальной Европе была предложена достаточно скоро: уже в 1913 г. в третьем издании «Истории древности» Э. Мейер утверждает, что при VI династии иммунитет должны были иметь все значительные храмы, а чуть позже А. Море делает аналогичное утверждение и для V династии (1916).


В отечественной египтологии определения египетской знати конца Древнего царства как «поместного дворянства» и «феодальной аристократии» (т. 1, с. 198-199) и государства Среднего царства как «феодальной державы» дал в своей «Истории древнего Востока» Б.А. Тураев: вместе с тем в последнем случае он заметил, что в Египте трудно найти признаки феодальной иерархии (т. 1, с. 218). Характерно, что Тураев весьма осторожно относился к данным пресловутых «иммунитетных грамот»: он не определял их появление как признак феодализации, считал его скорее результатом роста влияния «духовенства» и вообще подчеркивал, что в них «нет и речи об административном или юридическом иммунитете» (т. 1, с. 203). В 1915 г. перевод «иммунитетной грамоты» Пепи II из Дахшура опубликовал В.В. Струве, а двумя годами позже уже встроил материал этих источников в обширную схему смены в истории Египта этапов централизации и децентрализации. При этом если для Брэстеда, ряда европейских ученых (в частности, бельгийца Ж. Пиренна) и Тураева «феодализм» был прежде всего политико-правовой категорией, то в контексте теории Мейера и в построения Струве он превращался, конечно, в категорию экономическую.

Собственно говоря, именно это значение данного термина и было унаследовано египтологией уже советского этапа. Специалисты по историографии знают, но, кажется, нечасто читают статью В.В. Струве о древнем Египте в 24-м томе «Большой советской энциклопедии» (1931 г.): между тем в ней не просто дано определение общества древнего Египта как феодального, но и представлена весьма разработанная и динамичная модель его эволюции на основе этого определения. В частности, любимый Струве «социальный переворот» в Египте, который был описан в «Речении Ипувера» и датировался ученым XVIII в. до н.э, оказывается обрисован как совместное движение «революционных элементов» в среде ремесленников, «организованных в подобие цехов, т.н. “са”» и «крепостных крестьян, изнывавших под чрезмерной тяжестью барщины» (с. 302). В подобных формулировках нет, разумеется, и тени осторожности, которая, как мы видели, была свойственна его учителю Тураеву, и схему, выдвинутую Струве в этой энциклопедической статье, вообще трудно счесть в точном смысле слова научной. Более академичными были построения И.М. Лурье, также придерживавшегося концепции феодализма в древнем Египте. Пожалуй, наиболее примечательна его публикация переводов «иммунитетных грамот», появившаяся уже в 1939 г., когда выдвинутая Струве концепция рабовладения на древнем Востоке уже, казалось бы, стала официальной. Лурье не только спорит с этой концепцией, используя данные «иммунитетных грамот», но и «поправляет» западных историков, упрекая их в политико-правовом понимании термина «феодализм». Существенно, что их, по словам Лурье, «мало заботит вопрос о том, что

представляет то централизованное общество Древнего царства, из которого по их мнению впоследствии вырастает феодальное» (с. 133). Аналогия с империей Каролингов и ее распадом Лурье явно не близка: напротив, он настаивает на специфике феодализма в Египте, развитие которого, в отличие от Европы, тормозилось наличием сельской общины и использованием рабского труда (с. 136). По сути дела, исследователь проводит мысль, что египетское общество было феодальным изначально: в частности, он полагает, элементы иммунитета появляются в частных документах задолго до появления царских грамот V-VI династий (там же).

Ряд аргументов, используемых при этом Лурье, весьма примечателен. С одной стороны, он с удовольствием цитирует сделанное вскользь замечание Маркса о «наивном феодализме», отражающемся в религиозных представлениях, считая, что таким его проявлением в Египте было выделение земельных участков для обеспечения заупокойного культа, и видя в этом аналогию со вкладами для «поминовения души» в средневековых обществах (с. 132-133): довод по чисто внешнему сходству, обретающий сколько-нибудь веское звучание, действительно, прежде всего в связи с цитатой! С другой стороны, таким же источником вескости, наряду с Марксом, для исследователя был и Эд. Мейер. Обсуждая предположение А. Море, что «иммунитетные грамоты» могли быть результатом не феодализации, а просто «щедрости или слабости» фараона», Лурье говорит: «...Уже одно то, что, как полагает Э. Мейер, во времена VI династии иммунитет имели все значительные храмы, а по мнению А. Морэ так даже в V династию, резко противоречит подобным предположениям». Небольшим парадоксом этой фразы является использование мнения Море против самого Море, однако в данном случае, безусловно, принципиально вынесение на первое место суждения Мейера: похоже, в восприятии Лурье оно не может быть неверно, и высказанное в его развитие мнение Море должно быть верно тоже. Лурье при этом не очень беспокоит, что, как он прекрасно знает, источников, подтверждающих широкое распространение иммунитетов в Египте - хотя бы действительно на все значимые храмы! – тогда не было известно, как, кстати, неизвестны они и сейчас. Суждение Мейера в данном контексте обретает вес источника, и для оценки концепции Лурье это, безусловно, показательно. Можно довольно четко сказать, что именно он был готов взять у Мейера – квалификацию общества древнего Египта как феодального, без специфической циклистской интенции его теории. В таком случае Египет, с точки зрения Лурье, просто был бы обществом, в котором разложение первобытнообщинного строя привело бы к формированию не рабовладельческих, а феодальных отношений, как это могло постулироваться марксистской концепцией для средневековой Европы или Руси, но с признанием специфики этого египетского феодализма. При этом то, что известно о Лурье как о правоверном коммунисте, не побуждает думать, что сам он относился к своим взгляды лишь одной из интерпретаций, возможных при свободном научном поиске в рамках марксистской концепции. Скорее, он должен был считать, что они как раз и представляют собой безусловную истину, от

которой советская наука по случайному и, несомненно, неправильному стечению обстоятельств уклонилась.

Лурье был одним из «моторов» Ленинградского египтологического кружка, о котором шла речь выше: в частности, он был его секретарем и вел от руки изданные А.О. Большаковым протоколы. Однако любопытно, кого именно среди себя члены кружка считали наиболее сведущим и способным в такой важнейшей составляющей египтологии, как собственно древнеегипетский язык. При распределении обязанностей по «коллективной работе» над «Повестью о красноречивом поселянине» ее перевод и грамматический комментарий (кстати, то, что могло бы стать в полном смысле общим делом!) поручается Д.А. Ольдерогге; он же спустя некоторое время делает доклад о только что вышедшей в 1927 г. «Египетской грамматике» А. Гардинера. Д.А. Ольдерогге (1903-1987) известен прежде всего как один из зачинателей отечественной африканистики, в частности, преподавания африканских языков в Ленинграде, а также как незаурядный и одновременно простой в общении человек. Египтологию он изучает в 1922-1925 гг. в Ленинградском университете, а далее начинает работать в Кунсткамере в отделе Африки, под руководством ученика Тураева А(лексея) В(икторовича) Шмидта. Собственно, в течение середины 1920-х гг. Ольдерогге делает выбор между египтологией и африканистикой¹, и он был окончательно сделан в пользу второй, когда в октябре 1927 г. отправляется в длительную командировку по тематике этнологии Африки в европейские страны. Однако, очевидно, еще до этого он подготовил две статьи, которые увидели свет в 1928 г.: «Управитель бурга » - в «Записках коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР» и «К организации цехового управления в древнем Египте эпохи Среднего царства» - в «Докладах Академии наук СССР».

В названиях этих статей бросаются в глаза термины, имеющие очевидные средневековые коннотации и явным образом отсылающие к представлению о феодальной специфике древнеегипетского общества. Собственно говоря, обе статьи Д.А. Ольдерогге и начинаются с разбора точек зрения зарубежных исследователей (характерным образом, французских, особенно охотно использующих средневековые ассоциации), содержащих такие отсылки. В двух работах классика египтологии Г. Масперо (*La carrière administrative de deux hauts fonctionnaires égyptiens vers la fin de la IIIe dynastie* // JA XV, 1890 ; *Sur les sens des mots Nouït et Naît* // PSBA XII, 1889-90) было высказано мнение о том, что термин *ḥwt*, употребляющийся в текстах Древнего царства, обозначает «замок» египетского вельможи; соответственно, если «фараон является *ḥkꜣ tꜣwj*, сеньёром обоих (sic!) земель», то «владельцы замков – подчиненные ему сеньёры, владеющие крепостными». Затруднение для такой интерпретации этого титула составляют гробничные сцены, «где этих *ḥkꜣ ḥwt* тащат на расправу, избивая палками, причем вельможа со своего трона

¹ Работы про место египетского в афразийской семье - Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике // Советская этнография, 3, 1949. С. 170; Д. А. Ольдерогге. Происхождение народов Центрального Судана (Из древнейшей истории языков группы хауса-котоко) // Советская этнография, 2, 1952. С. 34–35.

спокойно на это взирает» (с. 385). Масперо отклонил это затруднение общим замечанием, что «палка в Египте являлась “средством управления” и что следовательно ничего удивительного тут нет»; однако, упомянув об этой отговорке, Ольдерогге на следующей странице говорит, что ему «взгляд Maspero представляется... в сущности правильным» и что, как он надеется, «египетские тексты эпохи Древнего царства смогут подтвердить основную мысль перевода Maspero – Н-т укрепленный пункт – “замок, построенный в домене”» (с. 386). Схожим образом начинается и вторая статья, написанная на материале частных стел Среднего царства из Абидоса: в этих памятниках присутствует термин *w^rrtw*, обозначающий начальников кварталов, на которые делились египетские города и население которых могло состоять из людей определенного занятия (например, живописцев или медиков). Ольдерогге говорит, что французский исследователь О. Байе «совершенно справедливо указал, что, по всей вероятности, люди одного ремесла сосредотачивались в определенном квартале, как в средневековых городах» (Au. Baillet, *Divisions et administration d'une ville égyptienne*, RT XI (1889)).

Обе статьи Ольдерогге невелики (вторая вообще уместилась всего на трех страницах), однако производят впечатление, на фоне которого становится совершенно понятным почтение к их автору других членов Египтологического кружка. Еще весьма молодой исследователь хорошо знает литературу, а главное обнаруживает очень широкое знание памятников обеих рассматриваемых им эпох: в статье «Управитель бурга» он проявил способность к подробному анализу терминологии Древнего царства, невольно напоминая работы западных египтологов уже второй половины XX в., и, весьма вероятно, был столь же компетентен в работе с памятниками Среднего царства (вторая статья не позволяет судить об этом наверняка). Однако едва ли не более любопытно то, что содержание этих статей фактически противоречит обозначенному в их начале примирительному согласию с французскими египтологами. Приступая к своей аргументации в «Управителе бурга», Ольдерогге сразу говорит, что в «языке эпохи Древнего царства мы не находим разных слов для обозначения понятий точно соответствующих нашим – “город” и “деревня”» (с. 386): поселения обоих этих типов обозначаются одним и тем же термином *niwt*, что показывает отсутствие или незначительность противопоставления между ними. Смысл приведения в пример этого словоупотребления не оговорен, но очевиден: в таком случае египетские термины, обозначающие поселения, вообще следует трактовать исходя из особенностей их употребления, а не аналогий в средневековых или современных обществах. Поселение-*hwt* в текстах Древнего царства Ольдерогге считает «укреплением, около которого часто вырастает поселение», и переводит как «бург», ориентируясь, соответственно, все же на значение этого слова в европейском средневековье. Однако из дальнейшего ясно, что он ни в какой мере не считает египетские «бурги» замками феодалов: они возникают по воле государства, являются центрами сбора государственных податей и мобилизации воинов, а их «управителей»-*ḥq3* действительно могут наказывать (LD II. 74) и изначально они перемещаются с места на место по усмотрению центральной власти. С определенного

времени термин *ḥq3-ḥwt* действительно становится важен при описании полномочий местных правителей (с. 391), и Ольдерогге констатирует их «генетическую связь с прежним сменяемым чиновником»; однако он тут же оговаривается: «...у нас нет того количества памятников, которое имеется в руках хотя бы медиевиста, чтобы яснее очертить связь, которая в достаточной мере только чувствуется» (с. 392). Упоминание в том контексте именно «медиевиста», похоже, имеет вполне определенный смысл: в этой части своей работы Ольдерогге подходит именно к тому этапу истории Египта III тыс. до н.э., который, как мы говорили, было принято трактовать по аналогии с процессом феодализации в раннесредневековых государствах. Коль скоро исследователь говорит о том, что, в отличие именно от «медиевиста», египтолог не имеет достаточных сведений об этом времени, значит, очевидно, его и не надо трактовать в свете средневековых аналогий; и действительно, далее в статье таких аналогий мы не видим. Правда, в одном случае в сноске Ольдерогге говорит о концентрации в «бурге» «местных крепостных» (с. 393, прим. 1), однако значение этого термина не комментируется и он, похоже, вполне условен; а в основном тексте он как раз объясняет, что повышение статуса «управителей бургов» не было всеобщим и наряду с местными правителями он даже в конце Древнего царства мог обозначать мелких начальников, которые подвергались наказаниям.

Подобное же построение, только в более скромных масштабах, мы видим и во второй статье Ольдерогге. Обращаясь к трем стелам из Абидоса времени Среднего царства (СМ 20039, 20309, 20560), он показывает, что пресловутые начальники кварталов *wḥrtw* и выходили из среды ремесленников, населявших такие кварталы. Существовали кварталы, населенные золотых дел мастерами; однако их начальники могли не только наследовать свою должность (СМ 20594), но и ставиться дворцом (СМ 20751). Ольдерогге упоминает о близости этих ремесленников ко двору, но не связывает с этим назначаемость их начальников; а в заключительном пассаже статьи он говорит о том, что кварталы ремесленников существовали и в Кахуне – «припирамидном городе», куда рабочие собирались царской властью со всей страны. Иными словами, в работе внятно проведена мысль о государственном регулировании устройства таких кварталов, - и, хотя это не проговорено явно, такой вывод разрушает аналогию между ними и самоуправляющимися средневековыми цехами, которая была заявлена в начале статьи.

Похоже, наши наблюдения над этими двумя статьями Д.А. Ольдерогге позволяют сделать вывод о наличии в них фундаментального противоречия. Их автор использует термины со средневековыми ассоциации, более того, демонстративно выносит их в заголовки статей, декларирует согласие с исследователями, проводящими аналогии между институтами древнего Египта и европейского феодализма, но далее фактически опровергает эти аналогии представленным в статьях материалом. Хорошо заметное стремление Ольдерогге изучать реальное функционирование древнеегипетского общества независимо от подобных аналогий подтверждает очень высокое мнение о нем как ученом; однако остается вопрос, каков смысл отмеченного нами противоречия и зачем Ольдерогге все же прибегал в своих работах к подобной «средневековой риторике».

Похоже, само ее использование было своеобразной данью времени и той тенденции к идеологизации гуманитарных исследований, которая была заметна, в частности, в работе Ленинградского египтологического кружка. Очевидно, с точки зрения коллег Ольдерогге (в первую очередь И.М. Лурье, явно задававшего тон в социологических штудиях кружка) реалии древнеегипетского общества при их марксистском исследовании было нужно трактовать в «феодалных» категориях, как спустя десять лет и при большем и более целенаправленном давлении сверху их станет нужно трактовать в категориях «рабовладельческих». Ольдерогге применялся к этой необходимости, но делал это настолько искусно, что не просто превращал использование соответствующей «правильной» терминологии в мимикрию для своих конкретных исследований, но еще и показывал ее иллюзорность.